

РЕЙДЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.

(к теории и практике российских захватов) // Экономическая и философская газета 2013 № 27 (969). С. 3

Отечественная, в том числе московская, пресса уже не раз уже писала о так называемом явлении рейдерства, или преимущественно силовых захватах различных форм собственности заинтересованными и, как правило, всегда хорошо организованными так называемыми рейдерскими группами. Объектами захвата рейдеров становились заводы и фабрики, предприятия различного экономического профиля, научно-исследовательские и даже военные институты и иные объекты недвижимости. Характер подобных захватов, их многочисленность, правовая и организационная подготовленность, наработанные схемы, как правило достаточно однообразные или даже примитивные, позволяют выделить сегодня это явление в особый класс социально-экономических феноменов, который, тем не менее, до сих пор не стал предметом исследований социологов, правоведов, политологов или экономистов.

Что же такое рейдерство? Прежде всего, это противоправный, лежащий вне правового поля отъем собственности. Рейдерство – это получение контроля в самом широком смысле одним предприятием над другим как законными, так и незаконными методами. Это захват активов при помощи инициирования бизнес-конфликтов. Рейдерство – это недружественное поглощение имущества, земельных комплексов и прав собственности, которое осуществляется с использованием недостаточной развитости правовой базы в экономической области и с коррупционным использованием государственных, административных и силовых ресурсов. Рейдерство можно рассматривать и как способ перераспределения собственности, который, по существу, является бандитским, по форме облеченным в некие юридические процедуры.

В середине 90-х годов рейдерство было весьма прибыльным бизнесом, в котором прибыль достигала свыше 1000 процентов. Но тогда это было еще не рейдерство, это явление в те времена еще не имело своего названия и называлось борьбой за права акционеров, а сама заявленная правительством приватизация была связана с колоссальными «откатами» в сторону чиновничества, когда за копейки приватизировали активы, стоившие миллиарды. Более того, многочисленная практика рейдерства только в московском мегаполисе позволяет с однозначностью утверждать, что чиновники различных уровней, а следовательно, и государство, которое они так или иначе представляют, фактически устранились от вмешательства в существующий уже многие годы правовой и экономический произвол, связанный с этим явлением, лишняя раз доказывая гражданам, что государство опять их «кинуло», как это уже неоднократно, не так уж и давно, было с многочисленными, печально известными финансовыми пирамидами.

При всем однообразии рейдерских методов (скупка блокирующего пакета акций, исполнение заведомо незаконного решения суда, прямой сговор руководства предприятия с заинтересованными в захвате экономическими группами и т.д.) так называемые материальные фонды объекта захвата, зачастую убыточные и нерентабельные, далеко не всегда интересуют рейдеров. В последнее время основным объектом интереса рейдеров и рейдерских захватов стало то, что во все времена обладало безусловной, незыблемой, дорожающей из года в год стоимостью, а именно московская земля. Сегодня не надо иметь экономического образования, чтобы понять, что именно эта не только экономическая категория, но и физически ощущаемая стоимость стала ныне представлять особенную ценность как для чиновников, так и для различных социально-экономических групп, группировок и даже группок, связывающих свои корыстные интересы с реализацией тоже различных, внешне законных, полузаконных или откровенно криминальных интересов, связанных с различными формами экономических и внеэкономических операций с землей в Москве. Подобные операции, даже по самым скромным и самым приблизительным

оценкам экономистов, приносят уже свыше тысячи процентов прибыли на вложенный рубль, даже при всем более или менее серьезном так называемом откате коммерсантами чиновникам.

Размеры же самих «дивидендов», получаемых рейдерами вследствие захвата, таковы, что даже за вычетом подобных отчислений, с последующей «реализацией», как правило, всегда коммерческих проектов: от строительства жилья до постройки коммерческого предприятия, обеспечивают рейдерам не только быстрое обогащение, но и возможность практически в одночасье перейти в более обеспеченный экономический класс, с более высоким уровнем жизни. Практика подобных захватов из-за отсутствия свободного рынка земли, отсутствия открытости и проработанности правовой базы приносит рейдерскому захвату максимум прибыли на вложенный рубль. При этом причина подобной исключительной притягательности земли для перечисленных выше социальных групп всегда одна – ее высокая, из года в год повышающаяся цена, при существующей колоссальной разнице между официальной, фигурировавшей в официальных проектных и иных «экономически обосновательных» документах стоимостью и фактической, значительная часть которой, как уже известно, по-видимому, и школьнику, если верить нашей отечественной прессе, оседает не только в карманах чиновников различного звена.

А это означает, что при фактически правовом отсутствии городского рынка земли, то есть при свободной ее покупке и продаже под разные целевые программы: от застройки коммерческими супермаркетами до объектов, скажем так, общесоциального назначения, при достаточно размытой правовой базе, регулирующей земельные отношения в Москве, земля продолжает оставаться не просто лакомым куском, но и объектом, притягивающим к себе не только легальные экономические структуры, но и криминальные и полукриминальные сообщества и группы. Именно поэтому практически любое перераспределение земли в мегаполисе неизбежно сопряжено сегодня с откровенным чиновничьим и правовым произволом, личными трагедиями целых семей, прямыми физическими столкновениями и, как следствие, с нанесением различного рода телесных повреждений с последующей время от времени демонстрацией на телеэкране такого рода событий.

Причем примечательно, что, как правило, при более или менее проработанной организации и планировании захвата конкретного объекта *ни один подобный захват не обходится ни без существенного ущемления законных прав значительных групп людей*, ни без силового или даже криминального воздействия на организации и граждан, в чьей собственности или по праву пользования находится земельный участок.

Общественная палата РФ достаточно наглядно продемонстрировала москвичам и гражданам РФ последовательную принципиальность своей позиции в этом вопросе по хорошо всем известным и не столь уж давним событиям в дачном поселке «Речник». Однако при этом в полной мере выявилась слабость, и в первую очередь правовая, малая защищенность самой Общественной палаты перед откровенным и циничным правовым произволом властей. Между тем то, что не так уж и давно было продемонстрировано нам с экрана телевизора, представляет собой даже не верхушку айсберга. При всей циничности продемонстрированных событий, бездушии власти, просмотренные нами по телевидению кадры еще более или менее «социально респектабельны», так как общество, телевидение и пресса *вмешались* и последствия для его участников оказались относительно не столь трагичны.

Обстоятельства же, вытекающие из практики непосредственных рейдерских захватов, несколько иные, и по своему характеру, и по существу. Напомним, что стоимость московской земли колеблется в пределах нескольких миллионов долларов за гектар. Поэтому при такой высокой стоимости рейдерам практически всё равно, что именно является объектом захвата. При этом рейдеры, осуществляя захват, решают для себя сразу несколько организационно-экономических задач, ибо за счет захвата конкретного объекта рейдеры становятся не только фактическими хозяевами и владельцами одной только

недвижимости. При существующем практическом правовом вакууме, недостаточной проработке в правовом плане земельных отношений, неповоротливости судебной системы и отсутствии наработок в самой судебной практике рейдеры начинают владеть и самим «земельным наделом», стоимость которого порой тысячекратно превосходит стоимость самого недвижимого объекта. *Это составляет альфу и омегу всех рейдерских операций* по захвату различных объектов, то, что еще не так давно являлось одной из основных причин для социальных революций в масштабах и самого общества.

Практика же имевших место в Москве разрешений конфликтов на почве земельных отношений и земельных захватов и практика исполнительного производства по вынесенному в соответствии с законом решению показывают, что даже при самых оптимистичных вариантах, даже при принципиальности федерального суда до принятия и вступления объективного решения суда в законную силу проходит не менее двух лет. Но даже при подобных сроках рейдерский захват, с точки зрения рейдеров, имеет безусловный экономический смысл и экономическую выгоду, ибо даже такой, казалось бы, небольшой период владения материальной и земельной собственностью приносит определенные выгоды, которые несоизмеримы, скажем так, с выгодами от вложения капитала или даже просто значительных денежных средств в иные проекты.

Весьма характерно и то, что, захватывая предприятие, рейдеры никогда не проигрывают, ибо, пока идут многочисленные и длительные по времени судебные разбирательства, они успевают извлечь, а точнее говоря, «выжать» из захваченного ими объекта по максимуму, ни в малой степени не заботясь о будущей судьбе не принадлежащей им по закону собственности.

Поэтому в любом случае рейдерство представляет собой, безусловно, выгодную коммерческую операцию, так как, как правило, при захвате недвижимости и земли происходит максимальное использование этих объектов с целью извлечения максимальной прибыли. И зачастую их истинный владелец, даже после того как добивается исполнения законного решения суда, остается с совершенно разрушенной материальной структурой, опустевшим до нуля расчетным счетом, с выведенными финансовыми активами, исчезновением компьютерной, бытовой техники, офисной мебели и т.д., включая дорогостоящее специальное оборудование, с незаконченным перепрофилированием предприятия и массой иных материальных и экономических проблем, которые еще очень и очень долго не дают практической возможности захваченной ранее структуре вернуться к своему прежнему состоянию.

Одной из характерных особенностей такого рода захватов последних лет, преимущественно на территории Москвы, стал захват и территорий крупных автостоянок, представляющих из себя, как правило, одноэтажные металлические гаражные комплексы (с размерами земельного «надела» от одного до трех гектаров) с последующим их сносом и возведением на этом месте хорошо известных москвичам, впоследствии годами пустующих многоэтажных гаражных комплексов-паркингов с практически недоступной для рядовых граждан стоимостью машиноместа (в пределах 30–100 тысяч долларов), автомоек, заведений ресторанного типа и т.п.

При этом большинство владельцев одноэтажных гаражей не просто лишаются своей собственности, как правило неприватизированной, но и остаются без какой-либо материальной компенсации, ибо подобная практика неизбежно сопряжена с их прямым или косвенным обманом, заключением фиктивных или заведомо недействительных договоров и иных организационно-правовых махинаций. Такая форма захвата сегодня – одна из наиболее экономически прибыльных, так как подобные объекты в организационно-правовом отношении чаще всего наиболее уязвимы вследствие, как правило, размытости вопроса в каждом конкретном случае о праве собственности на эти объекты, временной, периодически продлеваемой формы заключения договора аренды земли и по иным причинам.

Сама принципиальная возможность и эффективность рейдерских захватов, то, что делает возможным сам захват, имеет, как ни странно, достаточно большой ряд, если можно так выразиться, объективных социальных оснований. Среди них можно назвать уже упомянутую ранее исключительную эффективность в плане получения прибыли, которую можно сравнить разве что с эффективностью пиратских времен Генри Моргана, а также видимое несовершенство, зависимость, «карманность» и коррумпированность существующей ныне судебной системы, выносящей заранее, зачастую даже в других городах, противоправные решения против собственника, и существование многочисленных так называемых ЧОПов, значительная часть которых уже изначально, при получении ими лицензии, представляет собой откровенно легализованную часть преступного сообщества. Поэтому не случайно, давая определение этому явлению, эксперты приводили как его синонимы понятия «бандитизм» и «пиратство».

К одним из самых известных рейдерских захватов за последние годы можно отнести захват оператора и владельца крупнейшего аэропорта России – Домодедово, «Ист Лайн», компаний «Арбат Престиж», «Эльдорадо», ОАО «Тольяттиазот». Не менее громкий пример уже государственного рейдерства – «дело ЮКОСа». Государство по политическим мотивам отняло бизнес. Восемь лет все наблюдали, как строится аэропорт Домодедово. Группа «Ист лайн» вложила 10 миллиардов долларов в реконструкцию одного из лучших аэропортов России. А когда были возведены огромные сооружения с современным сервисом, когда туда пошли британские, американские и другие известные авиакомпании, рейдеры решили присмотреться и подали иск на компанию. Но – редкий случай – аэропорт отстояли. В ситуации с захватом компании «Арбат Престиж» основанием для претензий послужил тот факт, что контракт фирма якобы заключила с компаниями, не в полной мере платившими налоги.

На заводе «Тольяттиазот» произошел захват предприятия через скупку 10 процентов акций. Были возбуждены уголовные дела против руководителей завода, наложен арест на акции через фальсификации документов. До сих пор продолжается конфликт с довольно крупным предприятием отрасли, новосибирским заводом «Сибсельмаш». Бывший руководитель завода, чиновник высокого ранга в области, вошел в конфликт со своим преемником, в итоге руководителя завода сняли и сейчас заводом управляют другие люди, притом что конфликт негативно влияет и на социально-экономическую ситуацию в области, и на весь технологический цикл отрасли.

Еще примеры: захват пермского завода «Привод» с подделкой документов об избрании нового состава совета директоров; захват Чебоксарского электроаппаратного завода посредством мошенничества; Кропоткинский маслоэкстракционный завод – подкуп и проведение неправосудных решений через Арбитражный суд в Ингушетии; Краснопресненский сахарорафинадный завод – фиктивное банкротство; корпорация «Уралинвестэнерго» – уничтожение реестра акционеров, присвоение акций на более чем на 60 миллионов рублей; ЗАО «Вагонмаш» – использование поддельных документов, проведение незаконных собраний акционеров, искусственное создание кредиторской задолженности, возбуждение уголовных дел. От рейдерства пострадали Московский оборонный завод «Маяк», НИИ шинной промышленности, НИИ «Спецстрой», московский НИИ «Синтез», предприятия в Подмосковье (ЗАО «Зеленоградское», совхоз «Ленинский луч», совхоз «Путь Ленина» и т.д.).

Ныне рейдерство в России приобрело такие масштабы, что следует говорить уже о захватах целых сфер экономики, включая сельское хозяйство, нефтяной комплекс, акционерные общества, жилищно-коммунальное хозяйство. Сейчас рейдеров, например в Москве, интересуют сравнительно небольшие предприятия, имеющие три вида ресурсов: денежные активы, недвижимость и долгосрочные договоры (на 10–15 лет) с Москомимуществом. Не менее лакомым и весьма доступным куском для рейдеров остаются здания отраслевых научно-исследовательских институтов, так как государству они не нужны. Как правило, эти институты не имеют служб безопасности, юридических

служб, не защищены и поэтому становятся жертвами рейдерских атак, в том числе со стороны арендаторов. Зачастую научные структуры становятся жертвами прямого физического давления, а их руководители – жертвами прямого физического насилия. Например, были убиты руководитель «Гипромеца», президент Ассоциации производителей пищевых продуктов. Пострадали Институт экологии человека и гигиены окружающей среды, НПО «Зенит», Институт информационных технологий и др. Объектом рейдерского захвата стало и здание редакции «Новое время».

При этом сама практика рейдерства может быть не только многоплановой, но и пошаговой. Одна группа незаконно захватила здание, продала другим, а те продали уже третьему лицу, который по закону оказался уже добросовестным приобретателем. Так, к примеру, «Росбилдинг» – компания, являющаяся одним из крупных игроков на рынке слияний и «недружественных» поглощений, захватывала московские предприятия, не способные к существованию (например, АЗЛК), покупала акции компаний, сносила здания и продавала землю или строила на ней что-то другое, более прибыльное.

Невзирая на то что в условиях нынешнего экономического спада рейдерские захваты как будто бы обнаружили тенденцию к своему количественному сокращению, сама по себе проблема рейдерства как противоправного организованного действия, осуществляемого, как правило, с участием тех или иных государственных институтов (суд, чиновники, силовые госструктуры и т.д.), далеко не снята с «социальной повестки» дня, не ушла в тень и поныне существует далеко не в «снятом виде» как социально-экономическая проблема, до сих пор не разрешенная государством, хотя рейдерство ныне стало уголовно наказуемым деянием.

Таковы в самых общих чертах далеко не полные особенности механизмов «теории и практики» рейдерских захватов, которые в наибольшей степени проявили себя до сего дня именно в Москве, с ее исключительно негласно высокой стоимостью земли, а также существующими пробелами в гражданском законодательстве РФ, неудовлетворительным в плане практики применения правовым обеспечением земельных отношений, очевидной неповоротливостью судебной системы как института защиты гражданских и имущественных прав, регулируемой административной практикой при разрешении неизбежно возникающих при рейдерских захватах полукриминальных и откровенно криминальных конфликтов и, с нашей точки зрения, практически полным безразличием властей разного уровня к этой социально-экономической проблеме.

Практика этого явления неизменно и всегда не только осуществляется вне существующего правового поля, но и, как свидетельствуют неоднократные примеры, сопряжена с существенным нарушением законных прав и интересов граждан, с лишением их той или иной формы собственности при совершенном и полном попустительстве со стороны органов местного управления: от муниципалитетов и префектур до правоохранительных органов, из раза в раз с выгодой для себя относящих рейдерские захваты в область гражданско-правовых отношений.

В подтверждение сказанного можно сослаться на то, что до сего дня подобная проблема так и не стала предметом для вынесения соответствующих нормативных актов, ни даже предметом обсуждения, ни в московском, ни в федеральном правительствах, предпочитающих, на наш взгляд, мифическую и безуспешную борьбу с коррупцией, ограничивая себя даже в этом виде деятельности более чем вялыми организационно-правовыми маневрами и недейственными попытками физического контроля за выделенными государством средствами. Зачастую привлекательность рейдерского захвата и последующего банкротства даже небольших экономических субъектов является следствием в первую очередь «откатов» различного уровня чиновникам за предоставление права на экономическое освоение так называемой «целины», стоимость которых составляет от нескольких миллионов до десятков миллионов долларов за гектар.

К сожалению, для государства перед разрешением задач федерального уровня неизбежно отступают на второй план как будто бы частные проблемы какого-нибудь

маленького заводика, остаточная балансовая стоимость которого несоизмерима с коммерческой стоимостью находящейся под ним московской земли, и поныне составляющей лакомый кусок для рейдерских захватов. Между тем многочисленная практика российских рейдерских захватов, характерные, из раза в раз одинаково повторяющиеся примеры сопровождающих рейдерство силовых действий, захват отраслевых институтов и даже оборонных предприятий, далеко не частные и не единичные факты сопровождающего эти действия хозяйственно-экономического и правового произвола позволяют утверждать, что *рейдерство в России стало экономически и практически проработанной схемой, направленной на наиболее быстрое в экономическом плане извлечение сверхприбыли*. Схемой, которая на сегодняшний день приобрела уже характер и устойчивые черты социально-экономического явления, при котором для рейдеров принципиально безразлична и форма собственности, и сама экономическая направленность деятельности объекта захвата.

*Анатолий Николаевич ЛИПОВ, кандидат философских наук,
научный сотрудник Института философии РАН*